

*26 февраля (11 марта)*

Священномученик  
**Иоанн (Пашин),**  
епископ Рыльский, викарий Курской епархии

Священномученик Иоанн родился 8 мая 1881 года в городе Петрикове Мозырского уезда Минской губернии в семье священника Димитрия Пашина и его супруги Надежды, дочери священника Никольской церкви в местечке Скрыгалове Василия Завитневича. Отец Димитрий скончался, когда Ивану было всего три года, и Надежда Васильевна переехала вместе с младенцем к своим родителям в Скрыгалов, и Ивану вместо отца стал дед, протоиерей Василий, которому, по-видимому, он и оказался обязан многими своими христианскими качествами.

В 1890 году Иван был отдан учиться за казенный счет в Слуцкое духовное училище, после окончания которого его в 1895 году приняли учиться за казенный счет в Минскую Духовную семинарию.

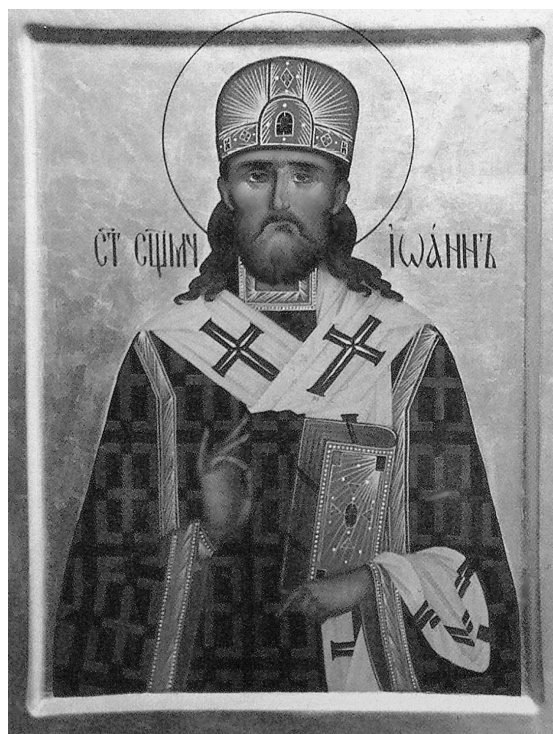
В 1901 году Иван окончил Духовную семинарию и обвенчался с девицей Антониной, дочерью купца из Вышнего Волочка Тверской губернии. 21 октября 1901 года он был рукоположен во диакона, а 22 октября – во священника к Покровской церкви села Князь-Озеро Мозырского уезда. 15 февраля 1903 года протоиерей Василий Завитневич ушел по преклонности лет за штат, и на его место настоятелем Никольской церкви был назначен отец Иоанн Пашин. Здесь он в первую очередь dokonчил дело, начатое дедом, – достроил часовню в память священномученика Макария, митрополита Киевского, убитого татарами в окрестности Скрыгалова в 1497 году. Часовня была освящена 1 мая 1905 года в день празднования памяти священномученика. Стараниями отца Иоанна было организовано Свято-Макарьевское Братство и открыта женская школа. 4 ноября 1907 года верующее население Скрыгалова торжественным крестным ходом встретило ковчег с частицей мощей священномученика Макария, прибывший из Киева на станцию Птичь. В следующем, 1908 году, празднование памяти священномученика собрало около десяти тысяч богомольцев – небывалое для этих мест число молящихся.

В 1909 году отец Иоанн был назначен настоятелем храма святого великомученика и Победоносца Георгия в селе Прилепы Минского уезда. В первый же год своего служения здесь он открыл одноклассную церковноприходскую школу в деревне Избицке, помещение для которой было предоставлено помещиком Н.И. Демидовым, он же взял на себя расходы по отоплению и освещению школы.

Как и в предыдущем приходе, отец Иоанн старался, чтобы в храме была особая святость, которая бы привлекла молящихся и помогла бы создать в их душах молитвенный настрой и поддержала веру. Одним из замечательных событий стало появление в Георгиевской церкви списка Иверской иконы Божией Матери, которая была написана на Афоне и при громадном стечении народа с крестным ходом принесена в Георгиевский храм. Отец Иоанн ревностно следил за просвещением прихожан, при храме была организована продажа молитвословов и духовных книг, под руководством священника действовали пять церковноприходских школ. При храме им было организовано Прилепское

общество трезвости, которое, увеличиваясь с каждым годом, переросло в Братство трезвости, где был свой устав, гимн и знамя-хоругвь. Со временем храм не стал уже вмещать всех молящихся, и в 1912 году священник составил план и смету на строительство большей каменной церкви, основное строительство ее было завершено в 1914 году, а освящена она была 21 августа 1916 года.

В 1915 году священника постигло горе: в возрасте тридцати двух лет скончалась его супруга Антонина Васильевна, и он остался с двумя детьми восьми и тринадцати лет.



*Священномученик Иоанн*

31 июля 1916 года отец Иоанн подал прошение о принятии его в Петроградскую Духовную академию, на первый курс которой он и был зачислен 17 августа. В документе, выданном ему епископом Минским Митрофаном (Краснопольским), отец Иоанн характеризовался как принадлежащий «к лучшей части духовенства. Состоя настоятелем прихода, расположенного среди католического населения, он тесно сплотил около православного храма свою паству. Своей воодушевленной проповедью создал в приходе движение трезвости и, как идейный работник в борьбе за трезвость, принимал горячее участие в Московском противоалкогольном всероссийском съезде. Решение продолжить образование в Духовной Академии у него появилось сразу же после смерти жены и, вероятно, выношено было еще во время ее продолжительной болезни»<sup>1</sup>.

В 1917 году в России произошла безбожная революция, все духовные образовательные учреждения были закрыты, и отец Иоанн вернулся служить в Георгиевский храм в село Прилепы.

В 1921 году храм посетил епископ Минский Мелхиседек (Паевский), объезжавший приходы епархии. В 1922 году усилиями безбожных властей в Русской Православной Церкви возник обновленческий раскол, и в июле 1922 года

епископ Мелхиседек объявил об автономии Белорусской Церкви и стал митрополитом Минским и Белорусским.

7 апреля 1923 года в минском Петропавловском кафедральном соборе владыка Мелхиседек в сослужении епископов Вяземского Венедикта (Алентова) и Гжатского Феофана (Березкина) хиротонисал отца Иоанна во епископа Мозырско-Туровского, викария Минской епархии. Первое время епископ Иоанн жил в Мозыре, а затем обосновался на своей родине в городе Петрикове. Приступив к исполнению архипастырских обязанностей, он энергично принялся за дело, взяв себе за правило частое посещение храмов вверенного ему викариатства. Пользуясь тем, что власти законодательно не запретили преподавание частным порядком Закона Божия и всего относящегося к православной вере, он стал регулярно собирать у себя детей, разучивать с ними церковные песнопения и преподавать им Закон Божий.

В 1926 году власти арестовали епископа. Будучи допрошен, владыка Иоанн заявил: «Я, как человек сильных и твердых убеждений религиозных и как епископ, вел работу в пределах установленных властью законов»<sup>2</sup>.

26 марта 1926 года приговором Особого Совещания при Коллегии ОГПУ епископ Иоанн был лишен права проживания в крупных городах страны и выслан из Петрикова. В Великий Четверг 1926 года епископ последний раз отслужил на родине Божественную литургию и, испросив прощения у прихожан, вышел из собора. Люди шли за владыкой до пристани, а затем еще долго шли в холодной воде за баржей, на которой увозили владыку.

Высланный из Петрикова, епископ не пожелал терять связи со своей паствой и поселился в городе Лоеве Гомельского округа, где, по мнению властей, «вновь развернул антисоветскую работу, выразившуюся в нелегальном управлении епархией...»<sup>3</sup>

18 сентября 1926 года епископ Иоанн был приговорен к трем годам ссылки в Зырянский край. По окончании ссылки в 1929 году, ему было запрещено жить в некоторых городах и за ним был установлен административный надзор. Митрополит Сергей (Страгородский) назначил его епископом Рыльским, викарием Курской епархии. На пути в Рыльск владыка заехал к архиепископу Курскому Дамиану (Воскресенскому), чтобы поставить его в известность о полученном им от митрополита Сергея назначении.

В конце двадцатых – начале тридцатых годов советская власть усилила гонения на Русскую Православную Церковь; в это время она приступила к уничтожению традиционного крестьянского быта под видом организации колхозов, во главе которых стала ставить подчиненных центральному аппарату партийных чиновников. Крестьяне не приняли этой формы и стали оказывать сопротивление, отстаивая традиционную и естественную для себя форму жизни и хозяйствования. Власти обвинили в агитации против колхозов членов Русской Православной Церкви. На территории Курской и Орловской областей почти одновременно было арестовано тогда более трехсот человек – епископов, священников и православных мирян, и в их числе архиепископ Дамиан (Воскресенский) и епископ Иоанн (Пашин).

В августе 1932 года был арестован священник города Рыльска Константин Одинцов. 28 августа 1932 года власти арестовали епископа Иоанна и он был заключен в тюрьму ОГПУ в городе Курске. 26 сентября 1932 года следователь допросил владыку.

Столкнувшись с нравственной твердостью и неудобосклоняемостью епископа к лукавству, следователь заявил, что против него свидетельствуют подчиненные ему священники, и в частности Константин Одинцов. В ответ владыка 2 октября 1932 года дал собственноручные показания, в которых писал: «Священника города Рыльска Константина Одинцова знаю в течение трех лет. Одинцова я считаю порядочным человеком, взаимоотношения у меня с Одинцовым были служебные, наши политические убеждения – в смысле полного подчинения гражданской власти – совпадали, оба мы стояли на платформе митрополита Сергия, возглавляющего Церковь, к которой принадлежим. Я и Одинцов признавали советскую власть единственной законной властью в СССР, политика которой отвечала нашим настроениям. Никаких недоразумений между мною и Одинцовым не было, злобы не питали друг к другу. Одинцова не считаю способным сделать на меня какой-либо ложный донос или оклеветать меня»<sup>4</sup>.

В ноябре 1932 года следствие было закончено. Владыку обвинили в том, что он «являлся руководителем контрреволюционных групп церковно-монархической организации “Ревнители Церкви” в городе Рыльске и в том же районе. На протяжении 1930–1932 годов в городе и в деревнях насаждал контрреволюционные группы, направляя их контрреволюционную деятельность против коллективизации сельского хозяйства...»<sup>5</sup>

В обвинительном заключении по этому делу следователи ОГПУ написали: «В октябре 1931 года в городе Обояни, Обоянском районе и городе Курске раскрыта и ликвидирована контрреволюционная церковно-монархическая организация, ставившая своей главной задачей объединение вокруг себя всех антисоветских элементов города и деревни, путем поднятия массового выступления крестьянства против советской власти, и восстановление монархического строя.

Контрреволюционная организация... возникла в ноябре 1930 года и была неразрывно связана с архиепископом Курским Дамианом...

Ко дню ликвидации организация в своем составе насчитывала 47 человек. По социальному положению они делятся так: священников 26, монашествующего элемента 3, бывших офицеров 2, бывших торговцев 2, бывших дворян 2, служащих 1 человек, кулаков 1, середняков 8 человек и бедняков 2. При этом последняя категория, то есть середняки и бедняки, в большинстве стали членами организации исключительно на почве религиозных убеждений...»<sup>6</sup>

«В июне и в июле 1932 года по западной части Центрально-Черноземной области прокатилась волна контрреволюционных массовых выступлений и отдельных восстаний. Эти выступления, начавшиеся в период окончания весеннего сева, изо дня в день всё более возрастали, и только в конце июля началась нормальная уборка созревших хлебов...

По 57 районам, охваченным антиколхозным движением, было 580 массовых выступлений с участием в них до 63 000 человек. Из числа колхозников этих районов было охвачено движением около 3200 колхозов на территории свыше 450 сельсоветов. Массовые выступления сопровождались также разгромом помещений сельских советов и правлений колхозов...

Вскрытые Полномочным Представительством ОГПУ по Центральной Черноземной области ранее (1931 г.) контрреволюционные церковно-монархические образования в районах, охваченных в июне-июле 1932 года массовым антиколхозным движением, неизменно определяли со стороны этих образований, формировавшихся из церковных элементов так называемого

сергиевского течения, наличие активных проявлений, направленных против социалистического переустройства деревни...

Контрреволюционные массовые выступления в западной части области в июне–июле 1932 года как по организованности, так и по масштабу, несомненно, как это установлено следствием, явились результатом подготовительной деятельности контрреволюционной церковно-монархической организации “Ревнители Церкви”, возглавляемой указанным епископом Дамианом...

В отдельных местах имели место избиения сельских активистов, попытки к убийству и даже случаи убийства, как и попытки толпами свыше 500 человек, вооруженными косами, тяпками и вилами, отбить арестованных...

В отдельных селах массовые выступления происходили под лозунгами:

“Отдайте землю и волю и крестьянскую власть”.

“Советская власть нас ограбила, нам нужна власть без колхозов”.

“Долой колхозы, долой советскую власть бандитов, давайте царя”.

Выступления с участием свыше 4500 человек имели место в этот период в селах Потапахино, Кулаге, Троицком, Нагольном и других этого района и Чермашнянского сельсовета, смежного Солнцевского района, где, под указанными выше лозунгами, организованными толпами было расхищено колхозное имущество, изгнан сельский актив и в ряде случаев учинены над ним расправы.

Следствием по настоящему делу установлена связь контрреволюционной церковно-монархической организации “Ревнители Церкви” с антиколхозным движением...

По делу контрреволюционной церковно-монархической организации “Ревнители Церкви” проходит 413 человек, из них 3 епископа, 127 попов и дьяконов, 106 монахов и монашек, 70 кулаков, 11 бывших дворян, помещиков, полицейских и других. В числе проходящих по настоящему делу осуждено за контрреволюционную деятельность 136 человек и выделено в особое производство 149 человек.

Контрреволюционная церковно-монархическая организация “Ревнители Церкви” строилась применительно к церковно-иерархической структуре и формировалась из реакционного духовенства, монашествующего элемента, бывших людей и кулачества...»<sup>7</sup>

«Рыльское объединение контрреволюционной организации “Ревнители Церкви” возглавлялось административно-высланным епископом Иоанном Пашиным (город Рыльск) и имело в своем составе 6 групп с 30 участниками...»<sup>8</sup>

«Группы “Ревнителей Церкви”, возникавшие под непосредственным руководством духовенства так называемого Сергиевского направления, возглавлявшегося Курским архиепископом Дамианом, в начальный период своего развития складывались как образования религиозного характера, лозунгом которых была борьба с безбожием и сплочение вокруг Церкви верующих...

По мере развития борьбы в деревне за сплошную коллективизацию и ликвидацию на этой основе кулачества как класса под влиянием агитации сложившихся групп “Ревнителей Церкви” и примыкавших к ним отдельных лиц, главным образом монашествующего элемента, ряды этих групп расширялись за счет затронутых процессом социалистического строительства кулацко-контрреволюционных элементов...

Контрреволюционное духовенство и монашество, скрывавшееся под флагом декларации о признании советской власти митрополитом Сергием, использовало концентрацию вокруг Церкви контрреволюционного кулачества и повело организационную работу по сплочению его для борьбы с пролетарским государством...»<sup>9</sup>

7 декабря 1932 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Иоанна к десяти годам заключения в концлагерь. По тому же делу был арестован и приговорен к пяти годам заключения епископ Орловский Николай (Могилевский), с которым владыка Иоанн пробыл затем несколько лет в лагерях. Владыка Николай хорошо знал Татьяну Николаевну Гримблит\*, которую многие епископы называли современным Филаретом Милостивым из-за ее щедрости в помощи ссыльному духовенству. Епископ Николай, получив открытку от нее, из которой стало известно, что она освободилась, сообщил ее адрес епископу Иоанну, и между ними завязалась переписка, которая продолжалась почти до мученической кончины обоих.

«Родная, дорогая Татьяна Николаевна! – писал владыка Иоанн. – Письмо Ваше получил и не знаю, как Вас благодарить за него. Оно дышит такой теплотой, любовью и бодростью, что день, когда я получил его, был для меня одним из счастливых, и я прочитал его раза три подряд, а затем еще друзьям прочитывал: владыке Николаю и отцу Сергию – своему духовному отцу. Да! Доброе у Вас сердце, счастливы Вы, и за это благодарите Господа: это не от нас – Божий дар. Вы, по милости Божией, поняли, что высшее счастье здесь, на земле, – это любить людей и помогать им. И Вы – слабенькая, бедненькая – с Божьей помощью, как солнышко, своей добротой согреваете обездоленных и помогаете как можете. Вспоминаются слова Божии, сказанные устами святого апостола Павла: “Сила Моя в немощи совершается”. Дай Господи Вам силы и здоровья много-много лет идти этим путем и в смирении о имени Господнем творить добро. Трогательна и Ваша повесть о болезни\*\* и дальнейших похождениях. Как премудро и милосердно устроил Господь, что Вы, перенеся тяжелую болезнь\*\*\*, изучили медицину и теперь, работая на поприще лечения больных, страждущих, одновременно и маленькие средства будете зарабатывать, необходимые для жизни своей и помощи другим, и этой своей святой работой сколько слез утрите, сколько страданий облегчите... Помогите Вам, Господи! Работаете в лаборатории, в аптеке? Прекрасно. Вспоминайте святого великомученика Пантелеимона Целителя и его коробочку с лекарствами в руках (как на образах изображают) и о имени Господнем работайте, трудитесь во славу Божию. Всякое лекарство, рассыпаемое по порошкам, разливаемое по скляночкам, да будет ограждено знаменем Святого Креста. Слава Господу Богу!

На этот путь вступили многие из нашей братии – и близкие мне, например епископ Венедикт\*\*\*\*, бывший Вяземский, – соловчанин, участвовавший в моей хиротонии, не знаете ли, где он Иеромонах Агапит (Фесюк), живший и у меня года три, перенесший не однажды тюремное заключение, затем ссылки, лагерь и так далее, а в прошлом году заведовал медпунктом около Красного Холма Калининской области, а теперь замолчал, видно, опять начал путь уз. Жаль, что и я пропустил время и не занялся этим делом. А теперь уж стар, пятьдесят пять лет,

---

\* Мученица Татиана (Гримблит). Память празднуется 10/23 сентября.

\*\* Имеется в виду арест – на условном языке переписки тех лет.

\*\*\* Имеется в виду пребывание в заключении.

\*\*\*\* Алентов

и больно измочалился. И мне уже в марте исполняется десять лет разного рода уз, а в лагерях уже три с половиной года. В Рыльске я отсидел срок и со дня на день ожидал получить вольную, а вместо этого экстренно взяли в Курск, далее в Воронеж, где отсидел месяца два в изоляторе – в одиночке, и месяца четыре в домзаке. В последнем условия были ужаснейшие, от тесноты и ног некуда было протянуть, и месяца два с половиной голодал, пока не прибыла Мария Ивановна, – тогда наладилась передача. За дня три до Святой Пасхи прибыли в Темниковский лагерь. И сразу на работу – убирать и жечь сучья в лесу. Но поработал я только недели две, а затем заболел сыпняком. Отвезли в центральный госпиталь. Думал, не выживу: ведь сердце слабое, но Господь сохранил еще на покаяние. Месяца полтора лежал, а затем последовательно побывал на трех лагерных пунктах в течение года, и хотя сразу был зачислен в инвалиды, но по воле и неволе работал всякого рода работку (до 30 видов), но больше на заготовке дров. Месяца два эту работу мы исполняли маленькой бригадой: три епископа и протоиерей. Епископы: знакомый Вам владыка Николай Орловский, Кирилл Пензенский и я грешный. Интересно было глядеть на нас: как мы по пояс в снегу искали валежник, пилили его, рубили, а то спиливали сухие деревья и с пня – значит, было дело вроде лесоповала.

В мае 1934 года очутились в Сарове, где и пробыли год. Счастье было каждый день быть на могилке преподобного Серафима, наслаждаться видом святых храмов и священных изображений на них. Снаружи святые храмы остались без изменений, и так приятно было ходить в монастырской ограде, переносясь мыслью в прошлое, и чувствовать облагодуханный молитвой воздух. Работали месяца три в канцелярии, а затем в августе, по дикой клевете обвиненные в присвоении чужих вещей (один человек добрый посещал нас и внезапно умер, оставив у нас вещи), мы четверо (я, владыка Николай, протоиерей один и иеромонах – жившие в одной комнате) попали в изолятор на полгода. Опять начались физические работы, и часто очень тяжелые, – например, месяца два катали так называемые баланы, то есть бревна, опять пилили дрова, собирали и жгли сучья. Господь укреплял. Не ласковы там были к нам, даже зачетов лишали “за исполнение религиозных обрядов”.

В мае 1935 года перегнали нас пешком верст за двенадцать на Протяжную – это тоже пункт Сарлага. Здесь работали с месяц на лесном складе по уборке и в лесу, а затем заболели все мы малярией, да такой жестокой, – уж больно сердце мое страдало, прямо думал, смертушка приходит. Хинина не было, лечили уколами. Больше месяца болел, пока не отправили в Алатырскую колонию – конечно, тот же самый лагерь. Неделю были в пути, хотя это переезд был в пределах одного Горьковского края. Что нам, не оправившимся от малярии, стоил этот переезд, можете представить. Эта колония расположена в верстах тридцати от города Алатыря. (А Алатырь верст двести не доезжая до Казани.) Из Алатыря к нам (все время лесом) идет ветка, но поезд ходит очень редко, так что приезжающие на свидание верст двадцать большей частью идут пешком. Здесь уж мы не работаем: нет подходящей работы, да и приустиали, признаться, и здоровьем слабеньки стали. Здесь место разгрузки, отпуска домой, но мимо нас проходят сотни, чуть не тысячи людей, а нас забывают, обходят. Божия воля, покоряемся ей. Если иметь помощь со стороны, то жить кое-как можно. С этой помощью у меня часто бывает заминка. Родные как-то забывают меня (Божие мне это испытание!), а родные по духу не всегда имеют чем помочь мне. Больше всех мне оказывает помощь Мария Ивановна, которая, при некоторой

неуравновешенности своего характера, оказалась, однако, более других способной к самопожертвованию. Не ограничиваясь посылочками, она приезжала ко мне еще в Темниках на свидание, а теперь по моей просьбе переехала в Алатырь, помогает мне передачками и ожидает или моего освобождения, или перехода в вечность, как я ее просил: буду умирать – хоть глаза мне закроешь. А о смерти думаю все больше и больше. Молитва святителя Иоасафа Белгородского на каждый час стала моей любимой молитвой: “О, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, в час смерти моя прими дух раба Твоего в странствии суща – молитвами Пречистыя Твоя Матери и всех святых Твоих. Аминь”.

Вот Вам краткая повесть о последних годах моего странствования. Простите. Пока, дорогая, обо мне не беспокойтесь, необходимое у меня есть, а будет нужно, попрошу разве что-нибудь из одежды или белья. А письмо мне бодренькое опять напишите. Велика у Вас вера, велика и любовь, они согревают сердца людей – знакомых и единомысленных Вам. Дай Бог в радости и здравии встретить Вам великие праздники: Вход Господень во Иерусалим и Благовещение, сострадать Христу Спасителю на Страстной. Господь да хранит Вас.

С любовью и молитвой недостойный епископ Иоанн.

16/29 марта 1936 года

Воистину воскрес! Дорогая, родная Татьяна! Пишу Вам это письмо почти с пути. Собрался в дорогу и переезжаю, но, кажется, в пределах того же Горьковского края. Это уже 10-й переезд за три с половиной года лагерной жизни. Сажу на узлах и чемодане в ожидании поезда и вдруг получаю Ваше письмо. Как луч солнца, оно осветило несколько мрачное состояние души, ободрило, пристыдило в малодушии. Спаси, Господи, и возрадуй Вас и временною здесь, и вечною там радостью. Ваше письмо прочитал друзьям, слушали многие – и всем стало радостнее. Владыка Николай пока остается здесь, а я с отцом Сергием и еще многими отцами отправляемся, кажется, в один из Ветлужских лагерей. Верим в лучшее, твори, Господи, волю Твою. Мария Ивановна пока остается в Алатыре. По прибытии постараюсь написать Вам.

Храни Господь Вас. С любовью и молитвой епископ Иоанн. 3/16 апреля».

В Ветлужских лагерях владыка пробыл почти год, а затем был отправлен в Ухтпечлаг в город Чибью Коми области, куда он прибыл 9 мая 1937 года. За время заключения и особенно этапов, когда в течение продолжительного времени он не получал ниоткуда ни посылок, ни писем, его одежда пришла в совершенную ветхость, а ботинки рассыпались, так что на новом месте в лагере он уже ходил в лаптях.

23 июня 1937 года владыка писал Татьяне Гримблит: «Родная Татьяна Николаевна! Если Вам не сообщили, где я, то узнайте из моего этого письма. Адрес мой на обороте. Жив и здоров. Живу здесь почти два месяца. Никто мне не пишет. Работаю на цветниках. Ничего – посильно. Очень нуждаюсь в ботинках и брюках. Пришлите Бога ради. Прибавьте и теплую рубаху и шапку 62 размера. Здесь холодно. А если сможете, то прибавьте сахарку, чаю, сгущенного молока и чего сможете, а также мыла. Получив ответ, напишу больше, а пока всего-всего доброго. Епископ Иоанн Пашин».

В начале лета 1937 года епископ выполнял работы по озеленению парка культуры и отдыха в Чибью. В это время в парке работал сторожем священник, с



которым владыка познакомился в Ветлаге. Владыка иногда заходил к нему, так как тот жил в землянке недалеко от парка, и хотя в землянке он жил не один, но все же ему было выгорожено отдельное помещение, в котором можно было помолиться, зная, что за тобой не наблюдают недобрые глаза лагерного начальства из заключенных или вольных. Один раз владыке удалось даже помыться в землянке. Затем епископ был направлен работать сторожем аптекобазы в сангородок.

31 октября 1937 года техник парка культуры и отдыха в городе Чибью и комендант стадиона и парка, оба заключенные, обнаружили три креста, прибитые к стволам деревьев, о чем тут же сообщили оперуполномоченному Ухтпечлага НКВД. Другие кресты оказались прибиты к зданию, выходящему на стадион, и к одной из трибун. Лагерная администрация решила придать этому событию значимость преступления против государства. Подозрение пало на заключенного священника, который работал в парке сторожем, а затем был уволен за то, что не вышел на работу в праздник Покрова Божией Матери. 31 октября у священника был произведен обыск, изъяты икона, три крестика и несколько церковных книг; на следующий день священник был арестован и допрошен. На допросе следователь спросил, откуда тот знает епископа Иоанна, священник ответил, что познакомился с ним год назад в другом лагере, где они оказались вместе. Следователь спросил, признает ли себя священник виновным в контрреволюционной пропаганде, то есть в том, что он повесил в парке кресты. Священник ответил, что виновным себя не признает, крестов не вешал, да и к тому же кресты, которые ему показали, являются католическими.

Допрошенные техник и комендант показали, что, когда священник жил в землянке при парке, его посещал епископ Иоанн Пашин, и они полагают, что он вместе со священником развесил кресты. Этих показаний оказалось достаточно, чтобы арестовать владыку, предъявив ему обвинение в проведении контрреволюционной пропаганды с использованием «религиозных предрассудков и в практической религиозной деятельности, выразившейся в распространении крестов путем развешивания их на деревьях парка культуры и отдыха Ухтпечлага НКВД»<sup>10</sup>.

2 декабря 1937 года в бараке у владыки был произведен обыск и изъято пять церковных книг и тетрадь, и в тот же день он был арестован и допрошен.

– Признаете ли вы себя виновным в контрреволюционной пропаганде и практической религиозной деятельности, заключающейся в распространении крестов путем развешивания их на деревьях парка культуры и отдыха Ухтпечлага НКВД? – спросил следователь.

– Виновным себя я не признаю. Крестов в парке отдыха на деревьях я не вешал, – ответил владыка.

– Откуда вы взяли отобранные у вас молитвенники и записи и для какой цели вы их хранили?

– Молитвенники и записи я получил в посылках, когда был в Ветлаге, после я перевез их в Ухтпечлаг. Молитвенники я держал для личного пользования.

– Что вы можете дополнить в свое оправдание?

– Дополняю, что перед праздником 20-летия Октябрьской революции я в Чибью не работал и находился в сангородке, где был с 27 сентября сего года.

На этом допросы закончились, были допрошены комендант и техник, которые ничем не могли доказать, что кресты в парке повесили владыка и священник. Были допрошены все, кто жил в одной землянке со священником

и кто видел владыку приходящим в парк, но никто не мог показать не только в пользу обвинения, но и то, что епископ и священник молились в лагерной землянке.

6 декабря 1937 года главная аттестационная комиссия Ухтпечлага НКВД выдала справку на владыку, в которой писала: «К порученной работе относится удовлетворительно. Распорядка лагеря не нарушает. 10 апреля 1935 года лишен всех ранее произведенных зачетов рабочих дней за плохой труд»<sup>11</sup>.

14 декабря следствие было закончено. В обвинительном заключении помощник оперуполномоченного госбезопасности написал: «Иван Дмитриевич Пашин, отбывая срок наказания в Ухтпечлаге и выполняя работу от ХОЗО по озеленению Чибью, проводил контрреволюционную пропаганду, используя религиозные предрассудки. В парке культуры и отдыха Ухтпечлага в специально оборудованной землянке устраивали сборища духовных и других неизвестных лиц. В указанном помещении проводились моления с песнопением и обрядами в рабочее время. В религиозные праздники Пашин не работал и призывал к этому других лагерников. Перед праздником 20-летия Великой Октябрьской революции в парке культуры и отдыха Ухтпечлага НКВД были на деревьях и на трибуне прибиты деревянные кресты. При обыске у Пашина обнаружены религиозные книги и записи»<sup>12</sup>.

5 января 1938 года тройка НКВД приговорила епископа к расстрелу. Епископ Иоанн (Пашин) был расстрелян 11 марта 1938 года в городе Чибью Коми области и погребен в безвестной могиле<sup>13</sup>.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.  
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Февраль».  
Тверь. 2005. С. 437-451

## Библиография

**Священник Феодор Кривонос, Гордей Щеглов. Священномученик Иоанн (Пашин), епископ Мозырско-Туровский (1923-1926) и Рыльский (1929-1932).** Минск, 2004.

УФСБ России по Курской обл. Д. П-11015.

ЦГА Республики Коми. Ф. Р-2165, оп. 2, д. 6545.

## Примечания

---

<sup>1</sup> Священник Феодор Кривонос, Гордей Щеглов. Священномученик Иоанн (Пашин), епископ Мозырско-Туровский (1923-1926) и Рыльский (1929-1932). Минск, 2004. С. 22

<sup>2</sup> Там же. С. 31.

<sup>3</sup> Там же. С. 5-15, 20-21, 28-32.

<sup>4</sup> УФСБ России по Курской обл. Д. П-11015. Т. 6, л. 426.

<sup>5</sup> Там же. Т. 10, л. 131.

<sup>6</sup> Там же. Л. 1-2.

<sup>7</sup> Там же. Л. 42-48.

<sup>8</sup> Там же. Л. 63.

---

<sup>9</sup> Там же. Л. 78–80.

<sup>10</sup> ЦГА Республики Коми. Ф. Р-2165, оп. 2, д. 6545, л. 13.

<sup>11</sup> Там же. Л. 32.

<sup>12</sup> Там же. Л. 38.

<sup>13</sup> Там же. Л. 41-43.